

Европа в Азии и Азия в Европе: социокультурные представления жителей России о Северо-Западном Прикаспии в XIX – начале XX вв.

*Сергей Степанович Белоусов*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН
(д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Белоусов С. С., 2020

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные представления жителей России о Северо-Западном Прикаспии, сложившиеся в XIX – начале XX в. Сопоставлены сведения россиян, путешествовавших по Астраханской губернии, в состав которой в указанный период входила большая часть территории региона. Выделены несколько наиболее типичных черт, которые позволили выяснить, каким в целом представлялся в социокультурном отношении этот край людям, жившим в России в XIX – начале XX вв. В глазах современников Астраханская губерния прежде всего являлась малонаселенным, отдаленным провинциальным уголком страны, в то же время в ней видели приграничную в политическом и географическом смысле территорию — своеобразный мост между Европой и Азией. В качестве характерной черты губернии отмечались многонациональность и многоконфессиональность состава населения, при этом обращалось особое внимание на большое количество представителей народов азиатского происхождения. Различные этнические группы активно взаимодействовали и влияли друг на друга, однако между собою не смешивались. Современники указывали также на мирное сосуществование различных религиозных групп, отношения между которыми в целом строились на принципах невмешательства в дела друг друга и веротерпимости. Статья написана на материалах опубликованных источников.

Ключевые слова: Северо-Западный Прикаспий, Астраханская губерния, XIX — начало XX вв., социокультурные представления, кочевники, межконфессиональное согласие, многонациональный состав населения

Благодарность: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490038-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале

XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Белоусов С. С. Европа в Азии и Азия в Европе: социокультурные представления жителей России о Северо-Западном Прикаспии в XIX — начале XX вв. // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 19–27. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-19-27

UDC 930.2

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-19-27

Europe in Asia and Asia in Europe: Socio-Cultural Perceptions of the Inhabitants of Russia of the North-Western Caspian Sea area in the XIX – early XX centuries

*Sergey S. Belousov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

© KalmSC RAS, 2020

© Belousov S. S., 2020

Abstract. The article focuses on socio-cultural perceptions of the north-western Caspian Sea area that were formed by people of Russia in the XIX and early XX century. It puts together the information from the Russian citizens who were travelling across Astrakhan province which at the time included the area in question. The study points out several most typical features that enable us to determine the way people living in Russia in the XIX and early XX century generally perceived the region in the socio-cultural sense. In the eyes of the contemporaries, Astrakhan province was, first of all, an under-populated, remote provincial part of the country which at the same time was seen as a border territory in a political and geographical sense – a certain kind of a bridge between Europe and Asia. The distinctive characteristic of the province was its multinational and multi-religious population, a great number of which were people of Asian origin. Different ethnic groups actively interacted and influenced each other, however, never mixed. The contemporaries also pointed out the peaceful coexistence of different religious groups, the relationships among which were built on the principle of non-interference and religious tolerance. The materials for the article are taken from the published sources.

Keywords: North-Eastern Caspian Sea area, Astrakhan province, the XIX and early XX century, socio-cultural perceptions, nomads, interreligious harmony, multi-national population.

Acknowledgement: The research was conducted within the scope of government grant — the project “An Integrated Research of Socio-political and Cultural Development Processes of people from the South of Russia (state registration number AAAA-A19-119011490038-5). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Belousov S. S. Europe in Asia and Asia in Europe: Socio-Cultural Perceptions of the Inhabitants of Russia of the North-Western Caspian Sea area in the XIX — early XX centuries. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1 . Pp. 19-27. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-19-27

Вимперский период на территории Северо-Западного Прикаспия в результате переселенческой политики российских властей и неконтролируемых миграций сложился своеобразный этносоциальный и конфессиональный состав населения со своим укладом жизни, который способствовал формированию в российском обществе определенного социокультурного образа о данном регионе. На его формирование оказали влияние природа и особенности исторического, политического, этнокультурного и социально-экономического развития региона. В рассматриваемый период основная часть территории Северо-Западного Прикаспия в административном отношении входила в состав Астраханской губернии.

Путешествующие по Астраханской губернии обращали внимание на обширность ее территории и одновременно малонаселенность. Образ астраханской окраины непосредственно ассоциировался с рекой Волгой и Каспийским морем, вдоль которых концентрировалась вся активная жизнь, а огромные степные территории левобережья и правобережья являлись царством кочевников, где жизнь протекала неторопливо и размеренно. «Один взгляд на карту Астраханской губернии способен, мне кажется, спугнуть не слишком предприимчивого туриста. Если бы не Волга, то эта ужасная калмыцкая степь немного бы уступала неизмеримой Сагаре (Сахаре — С. Б.). Страшно глядеть, даже на карте, на эти пустынные пространства, через которые нет ни пути, ни дороги», — писал в 1852 г. в своей книге Н. А. Ермаков [Ермаков 1852: 113]. В изданном в 1884 г. в Казани С. Монастырским «Иллюстрированном спутнике по Волге» говорилось, что в Астраханской губернии «все поселки прилепились к берегам реки; вправо и влево, на сотни верст — пустынная

и унылая степь, где нет ни городов, ни дорог, ни рек, словом, ничего, чем обуславливается жизнь и движение» [Монастырский 1884: 294]. По прошествии двадцати лет после выхода книги Монастырского картина практически не изменилась. Проплывшая на теплоходе по Волге от ее верховьев до Астрахани С. К. Круковская отмечала: «Берега от Царицына до Астрахани низменны, глинисто-песчаны, не оживлены растительностью и производят крайне безотрадное впечатление... Никакого поселения не увидишь на безжизненных безлюдных берегах самой Волги, и только кое-где на низменных островках мелькают избушки рыболовов» [Круковская 1904: 7]. И далее: «Огромный простор Волги поражает своей грандиозностью, своей мощью, но не оживленностью. Только изредка встретится такой же речной пароход-гигант и приветом ознаменует свою встречу: рев грохотом раскатится по берегам и далеко замрет в воздухе. Но вот он прошел, оставив за собой длинную полосу серого дыма, и снова безграничный, безлюдный простор» [Круковская 1904: 9].

В глазах жителей Санкт-Петербурга и Москвы Астраханский край выглядел далекой окраиной и нес отпечаток провинциальности, оторванности от кипевшей в крупных центрах страны жизни. Упомянувшийся выше Н. А. Ермаков выделял три черты астраханской провинциальности: «Что же касается до отдаленности, то Астрахань и край ее имеют 3 разных вида этого качества (отчего оно и принимает действительно ужасающие размеры), отдаленность географическую, отдаленность сообщения и отдаленность нравственную» [Ермаков 1852: 118–119].

Путешественники подмечали тот факт, что в пределах Астраханской губернии река Волга, а также климат и ландшафт местности, имели свои особенности. «Берега Волги от Царицына изменяются значительно. Горы сглаживаются, точно к воде прилечь хотят, скоро и совсем пропадают... И не веришь, что это Волга... Где ее крутые яры, где ее лесистые горы, белые скалы? Где села, что над ярами, словно поволжскую даль высматривать выбегают. Все гладко... Зелено, пустынно», — восклицал путешествовавший весной 1876 г. по Волге русский писатель, журналист В. И. Немирович-Данченко [Немирович-Данченко 1877: 175].

Астраханская губерния воспринималась современниками и как окраинная, приграничная территория государства, и как географическая граница между частями света — Европой и Азией, которая официально проходила по Уралу. Основание думать так давали географическое положение губернии, схожесть астраханской природы со среднеазиатской и наличие в губернии большого количества представителей народов азиатского происхождения.

По наблюдению В. И. Немировича-Данченко, влияние Азии начинало сказываться уже на границе Саратовской и Астраханской губерний, в частности начиная с колонии Сарепты: «...отсюда русский элемент на

Волге мало-помалу уступает инородческому» [Немирович-Данченко 1877: 177]. Он удивлялся: «Иногда на одной и той же пристани толпятся и немцы-колонисты, и калмыки, и киргизы, и случайно попавшие казаки, и армяне, и персы в своих высоких шапках. Не знаешь куда смотреть, на чем остановиться, — точно на этнографическую выставку попал. Прибавьте к этому оригинальную пестроту костюмов и лиц, между которыми только изредка мелькает русая бородка и открытое сероглазое лицо здорового нижегородца, попавшего сюда по торговому делу... Говор, в котором голову потеряешь, и немецкая шипящая фраза, и гортанный калмыцкий выклик, и мягкая певучесть перса, и резкий, но звучный армянский язык... Все это мешается в одну толчею, на которой точно пузыри на воде, вскакивают и лопаются трехэтажные, весьма непочтительные выражения, точно знаменуя, что не все же здесь инородцы, что и русские тут чувствуют себя как нельзя лучше» [Немирович-Данченко 1877: 177].

Своим многонациональным составом Астраханская губерния поразила и русского писателя И. С. Аксакова, участвовавшего в 1844 г. в ревизии органов управления губернии. «Множество народа, смесь, пестрота, сбор людей всех губерний, почти всех наций, разгул, обилие вод — такова картина Астрахани и берегов приморских этого края», — резюмировал он свои впечатления в одном из писем из Астрахани к своим родным [Аксаков 1988: 14].

Полуевропейским и полуазиатским выглядел в глазах современников XIX в. и административный центр губернии — город Астрахань. Достаточно метко выразился о его облике знаменитый французский писатель А. Дюма-старший: «Основа русская, раскраска армянская, персидская, татарская и калмыцкая». Русский ученый К. Ф. Спасский-Автономов писал: «Астрахань — вполне русский старинный город, с значительными остатками татарского происхождения. Но русская стихия давно возобладала над татарским началом, а с тем вместе и европейская гражданственность быстро изменяет прежний быт смешанного народонаселения, так что с первого взгляда, подъезжая к Астрахани, скажешь: „Это европейский город на рубеже Азии“. Церкви, общественные здания и некоторые частные дома говорят вам о Европе и Руси: только татарские предместья и около них разбросанные калмыцкие кибитки напоминают об Азии. Улицы широки и довольно прямы, площади и базары обширны; недостает надлежащей опрятности и вообще мостовой» [Спасский-Автономов 1854: 137]. Схожее мнение от знакомства с Астраханью вынес и Н. П. Боголюбов, издавший в 1862 г. путеводитель «От Твери до Астрахани». Он писал: «Строения здешние возведены по-европейски, и только в предместьях встречаются дома, обнесенные заборами на азиатский лад, но новоприезжего поразит пе-

строта населения, представляющая странную смесь и резкую противоположность европейского типа с азиатским. Здесь столпились армяне, татары, туркмены, калмыки, киргизы и русские в своих национальных костюмах, и вам встречаются на улице то остроконечные шапки персов, то чалмы и чухи татар, то халаты бухарцев и белые покрывала армянок, то русская рубаха, то казачий казанкин. То едут мимо вас щегольские дрожки, то тянется татарская арба, либо медленно проходит навьюченный верблюд» [Боголюбов 1862: 407]. Под впечатлением от увиденного в Астрахани Н. П. Боголюбов заявил, что она «резко отличается от прочих приволжских городов своим полуевропейским и полуазиатским видом» [Боголюбов 1862: 407]. Как выразился упоминавшийся выше Я. П. Кучин: «Вам чудится, что вы попали в какой-то другой мир, так эта картина отлична от всего того, что представляется взорам в других приволжских городах» [Кучин 1870: 251].

Наиболее наблюдательные из путешественников тонко подметили, что проживающие в губернии различные этнические группы хотя и влияли друг на друга, активно взаимодействовали, но в то же время не смешивались между собой. К. Ф. Спасский-Автономов писал: «В Астрахани русский человек и русский городской быт совершенно возобладал над туземною татарскою стихиею, а Волга там, особенно летом, переполнена и кипит всем русским; однако ж и в самой Астрахани заметите, как я уже сказал, много татарского и мусульманского даже под русскою оболочкою, увидите и калмыков, и киргизов со всем их бытом. Когда же выедете из Астрахани в степи, то, несмотря, что на самом деле сближаетесь с Россиею, окружающее говорит вам, что вы едва ли не опять попали в Азию» [Спасский-Автономов 1854: 166]. По наблюдению Н. А. Ермакова, «все здесь живущие различные племена инородцев, конечно, имеют более или менее одинаковые костюмы, каждое отдельное племя; но в этой одинаковости все-таки видно некоторое однообразие*, по русской поговорке, всякий молодец на свой образец: кто так, кто эдак. Иногда вы видите татарина в калмыцкой шапке, калмык переймет что-нибудь с татарина...» [Ермаков 1852: 165]. Н. А. Ермаков привел также в качестве примера взаимовлияния этносов распространение между многими армянами и русскими персидского обычая носить с собой четки и перебирать их во время беседы и отдыха [Ермаков 1852: 166].

На гостей города огромное впечатление производил Астраханский Кремль и величественный православный собор «Во имя Успения Божьей матери». Они являлись символами могущества и присутствия России на астраханской окраине, это особенно подмечали русские люди, возвращавшиеся из поездки по Средней Азии [Спасский-Автономов 1854: 136].

* Так в источнике. Возможно, имелось в виду «разнообразие».

Наличие в Астрахани и в губернии большого количества культовых сооружений различных вероисповеданий, свободное их функционирование, а также отсутствие на протяжении всей истории региона сколь-нибудь значительных межрелигиозных конфликтов сформировали в общественном сознании образ региона, для которого характерной чертой в межконфессиональных отношениях была веротерпимость. Посетивший Астрахань в 1797 г. польский писатель Ян Потоцкий писал: «Но самое большое впечатление произвела на меня веротерпимость, какую, может быть, чрезвычайно трудно найти на каком-нибудь месте земного шара. Последователи Али, проклиная в своих караван-сараях приверженцев секты Омара, могут слышать, как призывают на молитву крики муэдзинов сих последних, колокола греческой церкви, тамтам индейцев, и, может быть, жужжание лам. К этим разным религиям можно еще присовокупить несколько сект староверцев, и все европейские и азиатские общества» [цит. по: Алексеев 1936: 209]. Потоцкому вторил К. Ф. Спасский-Автономов: «Астрахань, совмещающая столько народов, есть вместе и представительница веротерпимости великой Империи» [Спасский-Автономов 1854: 139].

Основным занятием жителей поволжской и приморской части населения являлось рыболовство, торговля и судоходство. Кочевники, а также крестьяне удаленных от Волги и Каспия территорий занимались в больших размерах скотоводством, однако в сознании большей части россиян Астраханская губерния ассоциировалась прежде всего с рыболовством и торговлей. С рыболовецкой отраслью была связана хозяйственная деятельность многих людей — разных сословий (крестьян, казаков, мещан, купцов, дворян) и народов (значительной части калмыков, казахов, татар и представителей других народов). Рыболовство и соледобыча привлекали на заработки большое количество пришлого населения, чему также способствовало большое развитие торговли в крае. «Астраханский рейд с бесчисленными караванами барж и пароходов, с целым лесом мачт, пароходных труб, с разноцветными флагами и снастями очень красив и оживлен и указывает на торговое значение Астрахани <...> Исады* — это настоящий этнографический музей: тут можно встретить коренного великоросса, малоросса-хохла, немца-колониюста, перса, калмыка, киргиза, армянина... Кто торгует, кто покупает», — пишет С. К. Круковская в своей книге об Астраханском крае [Круковская 1904: 17–18, 29].

Торговля благоприятствовала установлению контактов между представителями различных этносов и познанию друг друга. «Кроме постоянных жителей, в Астрахань всегда съезжается масса торговцев из Кавказа, Туркестана и Персии, толпы местных инородцев, грузчики-персы и массы рабочих-рыболовов. Здесь Азия знакомится и торгует с

* Исады — знаменитый восточный базар в Астрахани.

Русью», — констатировали авторы путеводителя «Волга», изданного в 1911 г. [Лепешинская, Добрынин 1911: 270].

Успешное развитие торговли и различных промыслов способствовали тому, что у россиян сложилось представление об Астраханской губернии как о территории, где комфортно живется и можно хорошо заработать. К. Ф. Спасский-Автономов отмечал, что в губернии имеется «бедна» рыбы, большое количество скота, а также «изобилие» поставляемых из других мест хлеба и мяса. «По всем этим обстоятельствам, — писал он, — жизнь в Астрахани самая дешевая, быть может, в целом в Империи, исключая разве Сибирь» [Спасский-Автономов 1854: 139]. В своих очерках К. Ф. Спасский-Автономов привел слова одного из местных старожилов, который до своего поселения в Астрахани долго жил в Москве, Санкт-Петербурге и в разных губерниях России. Сравнивая уровень жизни в Астрахани с уровнем жизни в других местах, тот сказал: «Нигде в целом в России нет столько способов к жизни для бедного человека, как в Астрахани; хлеб здесь не дорог, мясо также, а рыбу и зелень бедняк может получить даже даром: все, что остается от утренней продажи из рыбы и зелени, уже никем не покупается» [Спасский-Автономов 1854: 140].

В 1844 г. И. С. Аксаков, следуя в Астрахань, на постое в Царицыне услышал от ямского старосты о том, что в народе Астрахань называли Разбалуй-город, а губернию — «народною, потому, что летом из всех губерний собираются люди на промысел» [Аксаков 1988: 14]. Староста также рассказал, что направляющиеся на заработки люди вступают в артели, где «обо всем домашнем забывают и переиначиваются...». Заработанные деньги многие из них «растрачивают в гульбе». В 1876 г., когда В. И. Немирович-Данченко задал местному армянину вопрос о том, как им тут живется, тот ответил: «Еще бы не хорошо... Свое место. Я в Москве зиму живу, каждое лето сюда езжу, потому что скучно. Наша Астрахань — рая не надо» [Немирович-Данченко 1877: 236].

Рассказы побывавших с разными целями в Астраханской губернии людей способствовали формированию в российском обществе определенных представлений о природе и социокультурных особенностях губернии. Сопоставив сведения различных путешественников об Астраханской губернии, можно выделить несколько наиболее типичных черт, которые позволяют понять, какой в целом представлялась в социокультурном отношении Астраханская губерния людям, жившим в России в XIX — начале XX вв.

В глазах современников Астраханская губерния, прежде всего, являлась малонаселенным, отдаленным провинциальным уголком России и, в то же время, приграничной в политическом и географическом смысле территорией — своеобразным мостом между Европой и Азией. В качестве характерной черты губернии они называли многонациональность

и многоконфессиональность состава населения, при этом обращая особое внимание на большое число представителей народов азиатского происхождения. Различные этнические группы активно взаимодействовали и влияли друг на друга, однако между собою не смешивались. Современники указывали также на мирное сосуществование различных религиозных групп, отношения между которыми в целом строились на принципах невмешательства в дела друга и веротерпимости.

Литература

- Аксаков 1988 — *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. 704 с.
- Алексеев 1936 — *Алексеев В. Н.* Исторические путешествия. Извлечение из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV — XVIII веках. Сталинград: Краевое кн. изд-во, 1936. 327 с.
- Боголюбов 1862 — *Боголюбов Н. П.* Волга от Твери до Астрахани. СПб.: О-во «Самолет», 1862. 415 с.
- Ермаков 1852 — *Ермаков Н. А.* Астрахань и Астраханская губерния: описание края и общественной и частной жизни его, состоящее из записок, веденных во время 11-ти месячного пребывания в нем. М.: Тип. В. Готье, 1852. 176 с.
- Круковская 1904 — *Круковская С. К.* Астраханский край. СПб.: Петербург. учеб. магазин, 1904. 220 с.
- Кучин 1870 — *Кучин Я. П.* Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. СПб.: Изд. Я. П. Кучина, 1870. 258 с.
- Лепешинская, Добрынин 1911 — *Лепешинская А., Добрынин Б.* Волга. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. 280 с.
- Монастырский 1884 — *Монастырский С. И.* Иллюстрированный спутник по Волге: в 3 ч. Ч. 2. Казань: изд. С. Монастырского, 1884. 332 с.
- Немирович-Данченко 1877 — *Немирович-Данченко В. И.* По Волге: очерки и впечатления летней поездки. СПб.: И. Л. Тузов, 1877. 403 с.
- Спасский-Автономов 1854 — *Спасский-Автономов К. Ф.* Путевые записки от Баку до устьев Урала // Вестник Императорского русского географического общества. Ч. 10. Кн. II. СПб., 1854. С. 121–166.